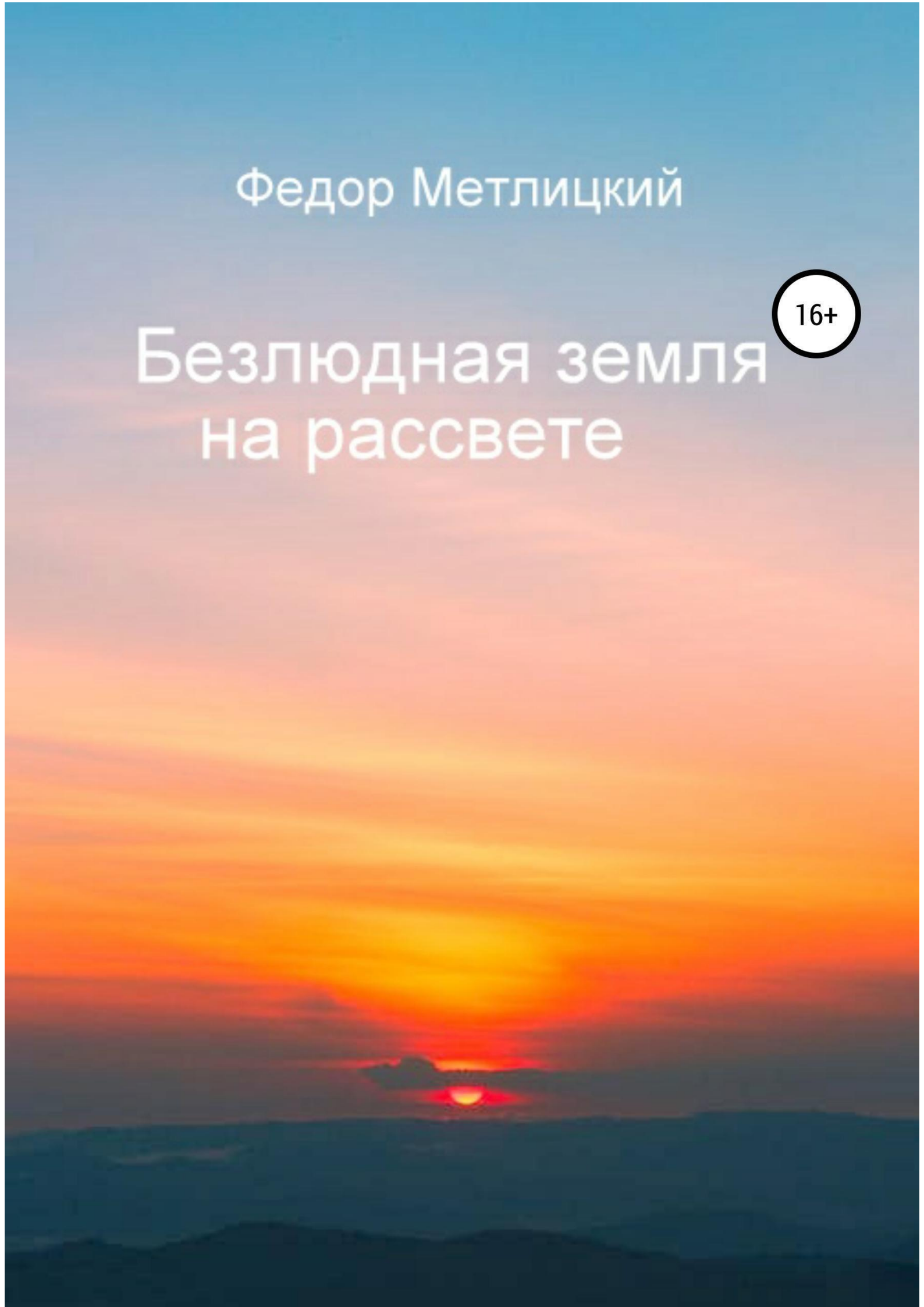

Федор Метлицкий

16+

Безлюдная земля
на рассвете

Федор Метлицкий

Безлюдная земля на рассвете

«Автор»

2020

Метлицкий Ф. Ф.

Безлюдная земля на рассвете / Ф. Ф. Метлицкий — «Автор»,
2020

На Земле случилась беда. Команда астронавтов с группой исследователей и туристов после длительного космического путешествия вернулась на Землю, и не обнаружила людей, только в отдельных местах копошились оставшиеся живые. Они, с мышлением XXI века, оказались в положении дикарей. Почему цивилизацию не спасли культура, искусство, наука? Был ли верным путь человечества? Люди из космоса начали все с начала, чтобы выжить и создать другое, лучшее будущее.

© Метлицкий Ф. Ф., 2020

© Автор, 2020

Содержание

1	6
2	9
3	15
4	19
5	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Федор Метлицкий

Безлюдная земля на рассвете

*И в этой бутылке у Ваших стоп,
свидетельстве скромном, что я утоп,
как астронавт посреди планет,
Вы сыщете то, чего больше нет.*

*Человек приходит к развалинам снова,
всякий раз, когда хочет снова любить...
Ничего нет страшней, чем развалины в сердце...*

И. Бродский.

1

Мы, команда астронавтов, ученые-исследователи и «подопытные» туристы, возвращались из глубин космоса, но были задержаны на геосинхронной орбите на неопределенное время: на Земле случилась какая-то беда.

Команды с Земли возвращаться не было, связь просто вырубил, или никто не отвечал. Только услышали странный обрывок фразы: "Людей больше нет..."

Мы спустились на третью орбиту, вращались на границе космоса и земной атмосферы. Вглядывались в планету, которую накрывали светлые мазки облаков. Не было понятно, что там происходит.

Атомная война? Вряд ли, всем давно стало ясно, что это равносильно самоуничтожению, ядерной зиме и изменению климата. Тогда что? Упал астероид? Взорвался супервулкан? Нападение инопланетян? Вроде бы нет, мы бы засекли. Бунт искусственного интеллекта, когда приобретшие самостоятельное сознание роботы, себе на уме, что-то замыслили? Нечто гораздо хуже пандемии коронавируса – всемирный мор, болезнь «Х»?

Темный космос с неподвижными огоньками звезд за иллюминаторами, полный безысходного одиночества, показался еще темнее.

Я, организовавший группу космических туристов из моего общественного объединения, не мог даже подумать, что случится нечто такое. Что же будет? Никогда больше не встречу семью? Что-то тяжелое наваливалось на меня, утягивая в бездонное космическое одиночество.

Что такое была самозабвенно занятая собой жизнь на Земле, кровавая борьба за власть и лучшее будущее, да и сама история людей. Неужели смысла жить больше не будет? Проблема смысла исчезла, и если кто останется, вроеется в землю, чтобы только дышать.

Мои приятели, обычно спорящие о путях развития цивилизации, сейчас примолкли. Неужели путей развития больше нет? Даже не унывающий исследователь-экспериментатор Марк Петров, с обиженным, но решительным выражением лица, вдруг увидел, что мы одни, – между бездомным космосом и, наверно, исчезнувшим человечеством. И впервые усомнился, был ли смысл в его непримиримости к существующему положению вещей, словно оно было вечно.

Ученый-исследователь и мой друг Павел, по прозвищу Отшельник, со смешными узко стоящими глазами над большим носом, стоически-кротким выражением лица, медлителен, и всегда погружен в свои мысли.

Еще один исследователь на космической станции Майк, американец – новенький, с иголки, как Джеймс Бонд, даже если бы вылезал из грязи, был как всегда чистым и энергичным, сейчас возбудился перед открывшимися неведомыми прериями. Он был практикантом на космической станции, уже обтесался среди нас, отъявленных русских, перенял наши обычаи за время общения.

Космический турист, сельский труженик Петр, укорененный в большой семье, тяжело думал о своих родных, увидит ли когда-нибудь жену, детей, внуков и правнуков.

Мой бухгалтер Михеев, узколицый, с невзрачными глазами, легкой фигурой похожий на мальчика, метался, летая по станции и натываясь больно лысиной о какие-то ребра и приборы, и поражался сам себе:

– Кто-то, ведь, распорядился, чтобы мне увидеть этот чудесный свет, жизнь эпохи! Неужели могу прекратиться?

Он внушил себе мысль, что может излечить свой остеохондроз невесомостью, снимающей нагрузку на кости, по изобретенной им методике.

Всеядный журналист Юдин усмехался: ничего особенного: если что-то случилось на земле, то, ведь, останется кто-то из человечества. Оно бессмертно, как бактерии, существующие и на других планетах.

Казалось, мы прибыли из бесконечного вращения в каких-то космических сферах. Время там, в томительно медленном течении, на самом деле было мгновением для земного организма, почти неподвижным для возраста, в то время как там, на Земле, по измерениям приборов, время шло гигантскими шагами. Мы были свежи, как будто совсем недавно улетали.

От долгого ожидания занимались космодайвингом, облачившись в скафандры-космолеты с личным космическим аппаратом – жаро- и холодопрочными доспехами с кирасой, похожими на средневековые, с отдельным автономным жизнеобеспечением, тормозным парашютом, соплами двигателей за спиной и на перчатках для управления полетом, что позволяло даже самостоятельно приземлиться. Но летать вне станции в пустоте космоса, не переходя рискованный круг расстояния, было слишком нудно.

И, наконец, решили без приказа снизу возвращаться на Землю.

Звездолет влетел в какие-то первобытные заросли, где не ступала нога человека. А вдали полыхала земная утренняя заря.

Мы вышли, неверными шагами опустили на незнакомую девственную поверхность – в заросли древесного кустарника, одичавших садовых растений и высокой влажной травы. Вдали возвышался огромный сосновый лес, словно выросший в результате радиации. Лес и трава, мне казалось, лишились своего натурального вида и наименования, в них просвечивало что-то длинное, как математическая формула, своими корнями нисходящая в космическое пространство. И в то же время пугающий лес высотой с небоскребы внушал надежду, что он вечен, и будет вечной планета Земля, в которую он врос.

Слева на заре виднелся город на горе, в центре с кремлем, обнесенным кирпичными стенами, внутри которого возвышался дворец и высокая церковь со шпилем.

Мы продирались на маленьком вездеходе сквозь дикую чащу зарослей куда-то в утреннюю зарю, пугаясь шумящей угрозы огромного темного леса, медленно надвигающегося на нас. Но заря оставалась так же далеко, когда мы въехали в город.

В городе было пусто, но здания современные, хотя обветшалые. Вверху, в небе не было теплого зарева от электрических огней, хотя уже вечерело. Дома обвиты лианами, выглядывали из зарослей, как заброшенные древние капища индейцев. На город наступала непроходимая чаща.

– Так мы вернулись домой? – вопрошал растерянный Михеев. – Не в первобытное время?

– Вроде бы, ошибки не допустил, – сказал Марк.

Нет, это не время дикарей. Марк, наш специалист, проверил: на Земле сейчас конец XXI века!

Пошли по пустынной улице, опасной, как будто новый вождь, возвысившийся над всеми, одинокий во всей вселенной, едет по очищенному от зевак центральному проспекту на инаугурацию.

Никого не было на улице, покрытой плиткой, девственно чистой, словно клалась на века, на обочинах заросшей травой и лопухами, со стертыми рекламными надписями под подошвами.

Через высокие ворота вошли в древний кремль, обнесенный высокой каменной стеной пятиметровой толщины, обшарили внутри каменные дома с кельями, нет никого.

2

Цивилизация оставила нам многое для сносного проживания. Мы поселились одним кланом, в пустующем кремле, в кельях с белеными сводчатыми потолками. Собирались в большом зале тоже со сводчатым потолком, и полами, покрытыми цветной плиткой. Наверно, эта был зал для коронации.

Однако не работали туалет и душ, не было воды, электричества, как в древние времена, хотя здесь в последнее столетие все было оборудовано. Блэкаут, когда весь мир одновременно погружается в сплошной мрак, и отключается сама жизнь. Дело не в том, что исчезли все специалисты, кто должен был привести в движение все блага цивилизации. Цивилизация просто развалилась, как после всемирного, уничтожающего все, цунами.

Первые дни мы спали вместе в палатах дворца на огромном, видимо, царском ложе, прижавшись тесной кучкой от холода и не раздеваясь. Экипаж астронавтов, Марк и я были одеты в обогревающие серебристые комбинезоны, остальные, одетые в разношерстную одежду, наворочили на себя шерстяные одеяла.

Осознание происшедшего пришло не сразу. Иногда ночью я вскакивал: опоздал! Куда, на работу? Во мне жило прежнее чувство ответственности. Потом забывался, ощущая чувство голода, надо бы сходить за едой, и вдруг доходило: надо мной нет никакой цивилизованной скатерти-самобранки – идти некуда! Все добывать надо ногами и лихорадкой мысли, где – в той, рядом, темной глубине грозно шумящего леса?

Недели прошли, чтобы мы могли увидеть и вообразить, что произошло на Земле. Если в древности знали мир не дальше видимого горизонта, то мы теперь предполагали, что за горизонтом нет ничего живого.

Мы оказались в другом, природном мире с искусственными развалинами, словно созданными инопланетянами, выброшенные из родового общежития. И только сейчас поняли, что история человечества была нам родной, как океан рыбе, выброшенной на песок. Никогда не думали, живя в будничной суете, любя и ревнуя, переживая блокады и лагеря, – что то был наш родной, выстраданный мир, а без него нас не существует.

Наш космический корабль, приземлившийся где-то далеко, погряз в зарослях, и трудно было найти, тем более жить в нем на отшибе.

Тревожно шумел огромный темный лес, заслоняющий небо, его зловещие ряды верхушек покачивались, как лохматые шлемы мистических великанов, как будто медленно приближавшихся к нам. Выл ветер, вызывая страх и одиночество.

Ночью все тело пронизывало холодом, хотя я был одет в обогревающий комбинезон, даже под несколькими одеялами. Все мы думали о родных. Куда они исчезли, вместе с остальным человечеством? Что это за мор? Или пожрало время? Остался ли кто из родственников?

Исчезновение или смерть родных казалась и нашим концом, без надежд на продление жизни.

Особенно переживал Петр, потеряв всю свою семью. Он родился в большой крестьянской семье, и не мыслил, что когда-нибудь останется один. Работал комбайнером, потом выучился на агронома, зарабатывал хорошо. В свое время женился на здоровой надежной девушке с пышной грудью, незаметно народил сыновей, да еще взял из детдома приглянувшуюся девочку. Дом был полная чаша. Дали землю, и он построил двухэтажную дачу, вскоре разросшуюся

пристройками, кухней, сараем и уборной. И вся их жизнь проходила в уюте детских криков и хлопотах по хозяйству, шумных переездах на дачу. Его мало интересовало, что происходит в мире, это было не главное. В нем совсем не было одиночества, оно было вытеснено всем его разросшимся корневищем, надежно вросшим в планету.

Мы с женой, соседи, завидовали им.

Он всегда был здоровым, толстым и солидным, а сейчас опал до неузнаваемости. Перестал стричься и бриться, выглядел дедом с седой бородой. Оказался один, словно его родню вмиг срезало что-то необъяснимое, и чувствовал впереди пустоту, и нечем было жить. Он никогда не думал, что смертна его обширная родня, и он сам. Зачем было думать о пустом? В его жизненной силе сибиряка, не знавшего сомнений в нужности родной стране, – все были в строю, все ответственны за свое дело. Его охватило такое одиночество, что он не мог жить, и сидя на кровати бессмысленно качался, схватившись за сердце. Надвинулось – беспросветной тучей, равнодушные старости, когда уже не откликаешься даже на память.

Я лежал калачиком, укрывшись от мира одеялом, чувствовал себя пожившим ребенком, усталым детским взглядом видя потускневший мир. Засыпал, ощущая свое исхудавшее тело, боль подвернутой ноги, и бессмысленность биения сердца.

Проснулся, задыхаясь. Сразу возникла боль, отключающая сознание, когда просишь только – кого, бога, близких людей? – помочь, и знаешь, что никто не сможет помочь. Надо «сливать воду». Что меня держит, чтобы жить?

Я вспоминал скорбное лицо жены, готовой ко всему, всю ее родную суть, вылежавшуюся в душе за годы ее опеки надо мной, так, что нельзя оторвать. Зачем-то вспомнился ужас, когда наша маленькая дочка осталась одна в квартире и закрыла изнутри дверь, и мы не могли прорваться. Я пролез из окна пятого этажа на четвертый на веревке. Увидел замурзанную от слез ее рожицу, просидевшую одна три часа. Без штанов, рубашечка надета вниз воротничком. Написала в штаны, сняла их и бросила в ванну, а туфельки – аккуратно на стул. Бегала босиком, разбросала семена. В общем, веселилась, пока не поняла, что папы с мамой нет.

И вот их нет, а я живу.

Когда-то случайно встретил ее в институте, молодую и светящуюся будущим счастьем, и мы сразу ощутили себя родными. Это внезапное раскрытие друг другу нас, родство незнакомых было странным, словно мы знали друг друга с детства. Неужели это присуще только связи мужчины и женщины?

Зачем надо было строить целую жизнь с женщиной, хотя и встреченной случайно? Безоблачное счастье – это сиюминутное блаженство, а дальше начинается жизнь. Нет такой любви, которая бы поглощала целиком. До конца близкими мы не могли быть. Хотя бы потому, что у каждого свой организм, и его болезни каждый переносит сам, да и умирание перемогает сам, и это разделение неустранимо. Мне нужен был выход в безграничный утренний мир. Там я не был одинок!

Но жизнь оказалась совсем другой, полной тяжелых испытаний. А сколько было других переживаний, ревности из-за, якобы, моих измен, и страха нищенства! И всегда она держалась с достоинством, с решимостью вынести все несчастья.

Жена была для меня естественной необходимостью. С семьей легче было пережить крах моей общественной деятельности, о чем скажу позже. И снова пронзило: твое внутреннее благородство и красоту никто никогда толком не почувствует, об этом знаю только я! И унесу в могилу один. Как и другой знает самое лучшее в родных – только он.

Но теперь, в мириадах смертей это уже казалось не важно.

Во мне было чувство личной катастрофы, когда стремительно уходит вдохновение, метафоры не взлетают из натурально видимых вещей, в памяти исчезают нужные слова, имена, остается лишь некий ржавый остов опыта. Все, что буду делать дальше, это зачем-то поддер-

живать свои жизненные силы, приближаясь к животному существованию. Жить в состоянии овоща, из которого не хочется вылезать.

Мы словно оказались в квантовом мире, где пространство и время свернулись. Время остановилось, и стали видны его атомы, как застывшие песчинки в песочных часах. Но было живо и болело то, что нас создало, когда смотрели на фотографии предков, исчезнувшей родни, болело и от памяти о погибшей цивилизации.

Но почему-то во мне живет, впервые увиденная в младенчестве, заря над полем, в первой измороси, а за бугром поля чудится первозданная земля. Древних египтян, греков или римлян, или начала времен? Удивительно, меня поддерживает некая надежда на невероятные возможности нового начала истории.

Почему я пишу эти записки? Мнение, что это помогает разобраться в себе, выложить все свои пороки и горести, чтобы вытеснить боль, – не совсем верно. Легче не становится.

Космическое питание, герметические упаковки и тюбики, закончилось. Мы впервые узнали, что такое голод. Древнее ощущение голода, когда исчезает сознание, и все существо стремится к одному – насытиться, или произойдет что-то ужасное. Я увидел, что руки и ноги стали опухать. Сосало в желудке невыносимо, мы метались по пустующим магазинам, чтобы найти хотя бы какое съестное.

Ели то, что еще обнаруживали в оставленных магазинах, собирали съедобные дикие растения, клевер, лебеду для супа, крапиву, хвою, цветы, ягоды бузины для заварки чая, отваривали желуди. Ели молодые нежные побеги горчицы белой, первоцветы примулы, одуванчика, цикория, дикий щавель и гречиху, нестрекальную крапиву, подорожник, похожие орехоподобные клубни съедобной сыти, тростник (богат сахаром).

Я бродил по заросшим растениями улицам, после долгого сидения «дома», если так назвать холодный, без света дворец, ноги были ватными, словно отсидел, шел тяжело. Вокруг не было ни души. Глухо шумел лес, возвышавшийся недалеко.

Странно, не было звуков, что были привычными раньше: гула городской цивилизации, проезжающих машин, голосов радио и телевидения, просто человеческих голосов. Город словно вымер, как прокаженный. Возникал жуткий холодок вселенского одиночества.

Жуть дополнял высившийся вокруг города лес, как-то неестественно разросшийся, в преувеличенно больших размерах и ярких красках, наступавший как хозяин. Природа была представлена самой себе, и медленно выздоравливала. Наверно, человек был врагом природы.

Я продирался сквозь заросли, которыми были покрыты улицы. Родные названия улиц, что можно разглядеть по табличкам: Благовещенская, Болотная, Варварка, Столбище, Земляной вал, Красная... Они менялись веками, как реки, меняющие русла, а сейчас остановились и заросли. Но в них есть нечто постоянное – воспоминания о дорогом прошлом.

Сквозь асфальт улицы, весь в трещинах, вырывались зеленые побеги, здания по пояс в листве, колоссы-лианы выются по стенам, как на оставленных после взрыва атомных станциях в Чернобыле или Фукусиме.

Заглядывал во все продуктовые магазины. Везде было пусто, не было даже испорченной от времени пищи, словно кто-то уже здесь пошарил.

В очередном магазине тоже было пусто, кругом пыль, и ни одного продавца. Но внутри было все прибрано, как русская изба перед тем, как деревня исчезнет с лица земли. Здесь я нашел в кладовой остатки консервов, видимо, заготовленных в прежние времена как стратегический запас, без мысли о таком будущем.

Долго стоял у кассы, а потом открыл ящичек в кассе, инстинктивно вложил туда завалившиеся в кармане деньги и вышел.

На окраине города мы вдруг увидели человека! Он выбегал из пустующего магазина с мешком. Заросший густой бородой, он был испуган, выглядел каким-то опущенным. На нем сермяга, успешно заменившая ненужные поветрия мод. Осталась самая необходимая потребность закрыться от холода.

Он беспрерывно и ненасытно почесывался, и не мог перестать, даже когда наткнулся на нас. Успокоился, у нас был мирный вид. И рассказал о себе. После нагрывшего неизвестного мора и смертей он выздоровел, – видно, врожденный иммунитет, но от чего? Сколько миллиардов умерли, кому считать? Тот выживший, кто захочет считать, все равно соврет.

Он чувствовал себя, как на американских горках, – то эмоциональные подъемы, то утомление. Сошел с ума? Кто-то чужой влез во все поры его организма, и перестраивает, модифицирует, отлаживает его под себя. Тело живет по другим, неизвестным до этого правилам. Кто – «Я»? Кто – «Оно»? Это происходит в форме чесания, вот почему он не может остановиться. И нет обоняния: еда – ничем не пахнет, водка – как вода.

– Чувствую себя трансформером! – причитал он. – И никто не может объяснить, что случилось на земле. Специалисты вымерли.

Когда-то в молодости он окончил художественный колледж, и внезапно случилось это – всемирный мор. Осталось мало людей, оказавшихся с неким иммунитетом. Сейчас он, на всякий случай, поклоняется Перуну, идол которого кто-то поставил в близлежащем лесу.

– Как выживаете?

– Живу в землянке, сам вырыл. Пока забираю, что осталось, в магазинах и на складах.

Как мы выяснили, он встречал одиноких бродяг, которые забегают в пустующие магазины, находят в неизвестных ему складах консервы, заготовленные в прежние времена как стратегический запас.

Мы предложили ему присоединиться к нам, и он с облегчением согласился. Его стали называть Трансформером.

Мы, сбившись маленькой кучкой, сидели за длинным столом в огромной столовой. Марк вздохнул, и заговорил иронически, словно со стороны:

– Итак, история как борьба противоположностей закончилась. Только теперь становится понятно, что не мы боролись между собой, а мириады микроорганизмов внутри нас, из которых мы состоим, борются за свое выживание. Неужели это не наш путь, людей свободной воли, а путь независимых бактерий или вирусов, которыми мы набиты, и это они руководят нами и борются за свое выживание в природе? Видимо, спасительные для нас организмы проиграли, вирус победил, и случился мировой мор.

Павел добавил:

– Гуманисты, а также религиозные люди ощущали любое колебание земли как грядущее зло, от дьявола. Мы уже не можем переключить наше состояние на такую эмоциональную, нравственную основу, – открылся лишь безучастный разрушительный ход природы.

– Это все мировой заговор, – пожаловался Михеев. Он верил в мировое зло, которое уничтожило человечество.

Михеев открыл ножом принесенные мной и разложенные на столе консервные банки – сгущенку, консервированное мясо (одно желе, без мяса, мухлевали почившие!), мои любимые скользкие ломтики персиков.

Юдин поморщился:

– Сейчас бы кассоле в баночках.

Михеев отрезал:

– Жри, что дают. Или можешь съездить в Париж и поесть там, если не прошел срок хранения. Я в детстве голодал в карантине, ел, что приносили волонтеры, их тогда много развелось. Подъедал на тарелке все, чтобы при мытье посуды не засорять раковину.

– И сэкономил туалетную бумагу, – сказал Марк. – Отрывал достаточно мелкие кусочки, дырочка-то маленькая, зачем ее на всю жопу.

– А что? – весело утерся Михеев. – Я экономен с голодного детства, подбираю крошки с тарелки. И потому стал скромн в потребностях.

Я добавил серьезным тоном:

– Ему удобно казаться нищим – ни он никому, ни ему ничего. Так скромн, что когда умрет, никто не заметит.

– Да, я такой, – ерничал Михеев.

Трансформер деликатно ел, почесываясь.

Петр ел молча, угрюмо слушая.

Иностранец Майк, как всегда чистенький и причесанный, оглядывал русских с интересом и удивлением.

—

Мы отдыхали в спальне палат дворца, лежа вместе на царском ложе. Философ Павел Отшельник, кутаясь в тряпье, тяжело вопрошал:

– Это что же, цивилизация свернулась в свое начало? Как мало надо времени, чтобы быстро исчезло поветрие моды, и вернулись сермяги, защищающие не от стыда, а от холода. Самые необходимые потребности! Наверно, сознание может быстро вернуться в первобытное или средневековое, полное мифов. Хотя мы и в бывшей империи XXI века, исчезнувшей с лица земли, жили в мифах и с убеждениями, весьма поверхностными, вроде страха от вражеского окружения. Нет, масса не овладела последними знаниями, а только сохраняла видимость.

Марк, в греющем космическом серебристом комбинезоне, зло сказал:

– У нас сознание и не возвращалось из первобытного или средневекового, полного мифов. Живем в такой же темноте, как и древние, только на другом уровне, внешне овладевшие современными знаниями.

– В отличие от древних, мы смотрим глазами атеистов, – возразил я, – то есть не демонизируем буквально все окружающее, шарахаясь в страхе, а отдалили божество куда-то за пределы открытого нами мироздания.

Марк сухо отвечал:

– Нет, мы остались недоучками и неучами, прислоняющимися к своему дохристианскому или византийскому Идолу.

– Неужели и здесь останемся теми, – встрял Юдин, одетый в добытый им где-то элегантный костюм – кто питался фейками, как рой ос, жаля нашу страну?

И мстительно продолжал:

– Сбили гражданский самолет, а они: «Это она, агрессивная страна!», – немедленно, не ожидая расследования, кричали одни. «Агрессор вмешивается в наши выборы!» – кричали другие. «Пандемию создали в лаборатории империи зла, преднамеренно, чтобы погубить мир!» «Разве агрессор подарил нам лекарства от пандемии? Что вы, продали! Некачественные,

и втридорога!» «Диктатор уничтожил 50 миллионов в лагерях!». После этих фейков нечего было надеяться, что внушенные люди не побьют любого туриста из оболганной страны.

Михеев нелепо влез.

– Или мы побьем! Ничего не изменится, пока не победим.

Когда-то, сидя напротив меня в правлении нашей экологической организации, он негодовал, глядя в телевизор.

– Опять Запад вмешивается, подкупает оппозицию нашей братской соседней республики! А внутри либералы заваривают новый майдан.

Он принимал мир враждебным нам, и в его слепящем свете не мог бы, если бы и хотел, различить ведущие его силы.

Сидя отдельно, с прямой спиной, Майк сказал:

– Gentlemen, сейчас уже видно: all the people were the same (все люди были одинаковыми).

Во мне же застряла одна и та же мысль:

– Что такое была пропавшая цивилизация, гены которой сохранились у нас, спасшихся? Ее культура, наука, литература и искусство? Почему они не спасли человечество?

– Какая культура? – сел на ложе Михеев, отбросив за тонкую шею конец одеяла, как древний римлянин. – Я ее толком не знаю.

Почему так случилось? – думал я. – И повторится ли вновь, пока не исчезнут остатки человеческого рода, и миром окончательно овладеет неведомый вирус?

Уход из прежней искусственной и порочной жизни Льва Толстого, его персонажей Отца Сергия или Федора Кузьмича бледнеет перед нашим расставанием с прежней цивилизацией. Воспоминание о пропавших родных превращалось в светлый полет памяти. Действительно, они превратились в белых журавлей.

И мы сами словно пережили смерть. И, может быть, сами превратились в белых журавлей, ищущих пропавшую родину?

3

Боль от исчезновения родных и близких тяжело выходила из нас. Я проснулся, и вспоминал мою жену и нашего ребенка. Отмучились, – радуясь за них, думал я.

Вспомнил последнее лето на даче. Сидел в шортах на крыльце, жена прибежала радостно из сада.

– Говорила с соседом: ему нужны дрова на зиму. Я сказала: да, пожалуйста, берите у нас! Сухие деревья можете вырубить. Он забрал кучу досок, которые ты укрыл шифером. Его дети уж порезвились на нашем участке!

Со мной что-то случилось. Жена весело предложила вырубить сухостой, и отдала доски. Эти доски я тщательно берег, ежегодно укрывал от дождя, выкашивал вокруг траву. Так и не использовал. Разграбили. Уже не смогу поддерживать дачу. Кончается жизнь.

– Что с тобой?

Увидел ее глаза на постаревшем лице, они были испуганы.

– Ничего, – ответил я ровным голосом.

– Меня не обманешь. Опять депрессия?

– Нет. Что-то нет настроения.

*Вот тот мир, где жили мы с тобою.
Ангел мой, ты видишь ли меня?*

Человек – существо многослойное, привязан к жизни многими базовыми корнями, которые обрываются постепенно. Во мне оторвалось навсегда многое, без чего не мог жить, – сначала дочь и жена, потом само человечество. Это конец. На душе была печаль, как при словах жены во время ее болезни: живи, найди себе женщину...

Но еще что-то осталось: вот эта первозданная утренняя заря, златокудрая Эос, в глубине которой есть иные миры надежды. Мы долго жили, постоянно прощаясь, и желание дорожить каждым мгновением чуда жизни не уменьшалось.

Когда умирают в одиночку – что может быть страшнее? Но смерть человечества, наверно, легче переносить вместе, коллективно.

Кто может рассказать о космическом одиночестве в людях, оставшихся после исчезновения цивилизации, вне которой неестественно, немислимо жить? Одно желание – разбрестись и умереть в одиночку, спрятавшись где-то под кустом, как умирающее животное.

Я не представлял, как жили кучками первобытные люди на Земле, отторгнутые на несколько тысячелетий от знаний, выработанных последующими цивилизациями. Разрывались ли они от тоски из-за нехватки человеческого, радовались ли настороженно, встречая в хвощах себе подобных? Одно знаю, они тоже волновались, глядя на восход, как и воздевавшие руки к солнцу древние египтяне, греки и римляне. Для них это было божество, исцеление.

И удивлялся друзьям. Давно ли Марк мечтал сдвинуть неподъемную неповоротливую Систему с мертвой точки? И теперь, после невероятной смены обстановки, остался прежним, хотя был период полной растерянности, бессмысленности продолжения чего-либо.

Марк Петров родился в семье дипломата. С детства им владело постоянное беспокойство от хладнокровного пренебрежения Системы ко всем, кого он знал и любил, или кем восхищался, прочитав в запрещенных книгах. Он вообще остро переживал отдаленность от него замкнутых в себе людей, и свою отдельность от них. Один из его приятелей детства, то есть я, смеялся:

– Ну и что – невнимание? Оно было всегда, и будет вечно. Это свойство природы, не морали. Дело личности – пробиваться через невнимание и враждебность.

Его отца посадили по чудовищному обвинению в измене родины. С тех пор Марк, спасаясь от травли, зарывался в свою космическую науку, глядя в телескоп на звезды.

Но после распада старой Системы и ее возрождения в новой власти он внезапно раскрылся. Им владела ненависть к бездушным циникам, которую он вымещал в своем блоге, и с отчаянной смелостью разоблачал коррупцию, правонарушения в силовых органах. От него ушла жена.

Приобрел популярность как радикальный критик Системы, что отразилось в нападках его врагов. Его прозвали Зилотом, а его сторонники – вторым Сахаровым. Писали, что откошил от армии – признали негодным к военной службе за взятку. Не служил, хотя после учебы в физтехе должен был. Правда, окончил ли – дело темное, купить диплом была не проблема. Однако он работал в космической области. Враги писали, что попытка найти факты его биографии не удалась, все скрыто. Он все время что-то «мутил». Состоял в нескольких партиях поочередно, «мог вписаться в любой контекст», потом создал свою партию «Совесть», которую не зарегистрировали.

Где-то шла война в Африке, и иногда силком вырывали из сердца детей, отправляя на службу. Люди смутно подозревали, что это не почетная обязанность «родину защищать», а риск, что вернут «в свинцовом гробу». Они так приспособились к жизни, что исполнение общепринятых ритуалов считали необходимостью. Хотя на самом деле все уже понимали. Когда приходит смена власти, всегда усталое большинство встречает новое будущее с воодушевлением, и это не лицемерно.

На это молчаливое понимание опиралась оппозиция, отвергнув на корню общепринятые идеи и мнения. Вдруг оглядывалась вокруг и начинала удивляться: надо же, оказывается, какой пошел народ! Современник – уже не мудрый дед-всевед на баштане, а человек с интеллектом и высокой культурой.

Его деятельность называли «скандальной», связывали со спецслужбами (как-то составе правозащитной делегации встречался на приеме у ФСБ), с ЦРУ (работал год в миссии в Нью-Йорке). И, наконец, что в свою команду принимает только тех, кто «не нарушает его зону комфорта» и под его влиянием.

Он отвечал врагам тем же, заранее раскладывая характеры людей по полочкам, не подозревая, что это узость взгляда – классифицировать такого же сложного человека, как ты.

Его от греха подальше направили инженером-исследователем дальше некуда – в космос. Говорили, по протекции высокопоставленных либералов – друзей отца.

А теперь вообразите состояние Марка, потерявшего не только семью, но даже причину ненависти. Сейчас в нашем положении трудно было сознавать, что была власть, и борьба против нее, и все это привычное, почти родное, исчезло.

Только вечный искатель Павел Отшельник стойко пережил трагедию на Земле, и вел себя так, как будто не заметил, какое нынче тысячелетие на дворе. Всю жизнь он не замечал внешнего существования, жил одной идеей – писал книгу, обращенную ко всем народам: "The last utopia to become a reality" («Последняя утопия, которая превратится в реальность»). Окружил

себя сплошными полками книг, большинство которых было в закладках и подчеркиваниях. Его опекала старенькая мать.

Взор Паши был обращен, наверно, на ту же первозданную зарю, за которой ему тоже чудилось начало нового человеческого рода, лишённого горестей и бед старого тупикового мира.

Михеев вздохнул:

– Надо найти баб, ведь кто-то из них остался? Без них нельзя.

Он давно пережил физический ужас происшедшего на земле, исчезновение семьи, что, на удивление, оказалось не так тяжело, как у других. Чувствовал в себе только неиссякаемое любопытство, в удивлении разевал рот на окружающее. В его любопытстве было что-то детское, открывающее известное взрослым, как у «солнечного мальчика». Святая простота.

Естественная легкость приятия существующего в нем сформировалось с детства, в рабочей семье, и во дворах Якиманки, где у детворы была, как у взрослых, общая гордость за наши победы над врагами.

Оборванцем маленький Матвей бегал с такими же пацанами в своем дворе, на улицах, избывая свои отроческие страсти и отчаяния. Взирал на старших со страхом или восхищением, не различая в них отдельных людей, как древние люди, видел мир слитным. В этой слитности различался лишь могущественный, как рок, увлекающий куда-то поток власти, и он вилял, удачливо спасаясь в рискованных ситуациях, с вялой целью утвердиться.

Женился он нечаянно. Его полная девушка, студентка неожиданно забеременела, и они поженились. Но совместное житье оказалось... нелепостью.

– Мы не совместимы, – сказала жена. Мысли твои убоги, и... хочешь получить все, не давая ничего.

– Интеллигенция, – подумал он. – Вот попал!

И он принял семейную ситуацию, как есть. Появился сын, он рос, и со временем мать и сын объединились против него. Внешне он покорился, но упрямо сопротивлялся «интеллигентским штучкам», вроде «Помой за собой посуду!», «Не надо выглядеть бомжом», и т. п.

– Какие женщины? – насупился Петр. – Ведь нам же по сто лет!

Молчаливый Петр не жил, а существовал, как овощ, осознав, что исчезнувшую семью не найдет.

– Это здесь, на Земле прошло пятьдесят лет, – горячился Михеев. – А в космосе мы проскочили этот промежуток времени!

Михеев завидовал своим коллегам. Они не считали, что в нем есть свои убеждения. Не из равнодушия ли это в своем теле и уме. Исходит ли оно из слабой энергии в организме? Или это болезнь, преждевременная старость? Он не задавался этим вопросом, но завидовал энергии и знаниям соратников, ощущал их пренебрежение к нему. Странное нежелание что-то совершать, как будто мотор внутри него не был заправлен горючим, цели были рациональными, короткими, и зажигался, то есть по-стариковски раздражался только, когда ему перечили.

Чувствовал, что нужны страстные убеждения, чтобы действовать, может быть, влюбиться, или возненавидеть. Но как-то прошел стороной от всяких страстей, кроме как вкусно поесть или что-то сделать для удовлетворения себя. Так спокойнее.

Мир устроен так, как его видят. И того, что в Михеева вошло, уже не выбьешь. Он прогуливался по городу, в сером дешевом пиджаке с хлястиком сзади, в резиновых сапогах (только вернулся из дачи, где помогал отцу косить), юрко перебегал к двери теплого метро. Был похож на нищоброда, праздно любопытствующего с котомкой на плече.

В последние годы он по выходным гулял в Центральном парке, рядом с которым жил, радовался разительным переменам, по сравнению с его детством. Как хорошо! Перед ним простирался стройный парк викторианского времени с чудесной гармоничной перспективой – распланированные геометрически правильные лужайки вдоль дорожек, в центре легкое здание павильона и перед ним дивный советский фонтан, все это погружено в клубящиеся деревья. Все изменилось! Жить стало лучше, жить стало веселее.

Особенно его радовали гуляния весной радующихся людей из разных регионов страны. Простые, свои люди, мужики в кепках, нарядно одетые толстые и тонкие женщины словно оторвались от всех бытовых неудобств и неурядиц дома, и самозабвенно веселились, танцевали, пробовали в медовом ряду мед от частников со всех концов страны. Это было блаженство душ, убежавших от серых будней.

На этот раз праздничные гуляния посетил мэр со свитой, и он тоже говорил о положительных переменах. Михеев рукоплескал ему: как много тот сделал, как украсил город – неизмеримо лучше стал он, чем когда-то в его детстве. Как похорошел город!

Я не понимал, отчего так весело ему, и этим толпам гуляк, катающихся на лодочках по пруду, крутящихся на колесе обозрения, опадая всем нутром на спусках. Не принимали на дух самую категорию плохого в жизни. Может быть, настрадались? Но если судить по Михееву, это не так. Когда его спрашивали о трудностях в семейной жизни, он удивлял своей уверенностью:

– Я счастлив.

Михеев презирал своих сослуживцев, брюзжавших по поводу настроенных «новоделов» и фальшивых куполов. «Чего они хотят, либералы? Старую родную рухлядь им подавай!»

У него спрашивали:

– Почему ты не любишь слышать о страданиях людей? Не терпишь тяжелых фильмов?

– А зачем видеть плохое? Что хорошего?

– Но ведь это часть судьбы людей! Без знания их жизни не поймешь историю.

– А зачем мне знать такую историю? – переходил он на ернический тон. – Воспевание счастья, любви к родине – помогает людям жить. А вы Смертяшкины, по Горькому.

Почему мне претило это самодовольное восхищение всем, что радует глаз, и желание отторгнуть все неприятное, что портит настроение? Это восхищение Михеева «хорошеющим городом», или самодовольство официальной городской газеты, показывающей только строго дозированное положительное, например: «Лавочку починили по просьбе жителей», «Узоры создают под музыку», «Мы первые в мире создали вакцину, она вылечит весь мир! Антитела вырабатываются через три недели после вакцинации», сознательно отгораживаясь от трагизма существования. Что-то есть в этом одностороннее и охранительное!

Почему я не любил такое самодовольство, живущее одной блаженной стороной жизни? Закрывавшее глаза и уши, когда проходит мимо несчастья.

Может быть, я аскет, видел в нашей стране лишь недостатки, а на Западе, как попрекал Михеев, нормальную жизнь? Или во мне давно исчезло чувство бездумной радости, перестал видеть оптимистическое будущее для страны и мира?

На этот раз никто не посмеивался над Михеевым. Наверно, если женщины и остались, то совсем другие. Без косметики – где ее возьмешь? – они, наверно, стали естественно белесыми, и пропали искусственные изощренные попытки соблазнения. И секс теперь будет простым и естественным, – наслаждением, но оно будет осознанным, будет присутствовать догадка, для чего этим наделила природа, в чем смысл этого занятия. Так было в древнем Риме, и в Средние века, когда женились, чтобы иметь детей, человек без ребенка был подозрителен.

4

Потеряв человечество, мы, одинокая кучка оставшихся людей, по-прежнему жили во дворце, только по ночам спали в отдельных кельях, слушая глухой шум леса.

Провели много времени в размышлениях и спорах, по вечерам колеблясь вокруг копилки из смоляной щепки, что делать дальше.

Мы все-таки ощущали что-то совершенно новое, что манило еще небывалым существованием. Как будто высадились робинзонами на необитаемый остров, и предстояло прожить новую жизнь. Хотелось воображать, что мы стоим перед сияющей бездной совершенно новой эпохи возрождения необычной цивилизации, причем вооруженные всеми новейшими достижениями науки, морали и нравственности запятнанной старой цивилизации. Но отнюдь не техники.

Впереди возникало столько необозримых дел, что мысли о близких уходили куда-то в сторону, хотя останутся безысходной болью навсегда.

Все исходит из внутренней потребности и необходимости, – производить продукты для еды или духовную пищу, изучать ли язык, чтобы поехать в другую страну. Первое, что пришло нам, даже не в голову, а в самое голодное нутро, была мысль наесться, обустроить все вокруг себя так, чтобы просто жить, а не думать о бессмысленности существования и смерти. Особенно оживленным был Михеев.

– Везде можно жить, даже вниз головой. Первое: надо тщательно обследовать город. От обильного прошлого осталось много всяческого добра. Это надо собрать и поделить.

Марк зло сказал:

– И что дальше? Сидеть и жрать, глядя друг на друга?

Предложение Михеева навело на прежние мысли о тупике существования.

Жизнь приходила «в норму». Наш «космический» клан мечтал переселиться из захваченного холодного дворца в землянки, а прибудившиеся к нам доходяги окапывались в землянках за городом, – так было удобнее и проще жить. Легче отапливать и освещать землянку, чем дворец. Воду мы брали из убранный в трубу подземной речки у кремля. Взяли себе за правило – не опускаться до дикарей, браться ежедневно, для чего у нас были отточенные, как бритва, ножи.

Нужно было что-то предпринимать дальше.

Мы шатались по городу, заглядывали в здания с офисами исчезнувших бизнесменов, магазинами, аптеками, официальными учреждениями, – они были пусты и покрывались лианами.

Наши технари, члены экипажа космического корабля вместе с Майком, развившим бурную деятельность, подъехали на вездеходе к телецентру, к главной телебашне. В большом квадратном здании внизу, в редакционных кабинетах, как и везде, было пусто.

Начали разбираться в связи, энергии не было. Полное отключение от цифрового, даже аналогового вещания. Звонили по работающему телефонному устройству в неведомые узлы связи, призывая связистов. И – на звонки откликнулись! Оказалось, некоторые живы!

Уговаривать не пришлось, некоторые появились. Оказывается, и в крупных городах провинции телефонные станции были живы и могли заработать снова, оставалось только собрать специалистов, кто остался.

Так началась эпопея налаживания связи с оставшимся на земле населением. Мы посылали сигналы в пустынную глубину неизвестности.

5

Сохранилось ли в мире какое-нибудь живое движение? Мы обследовали проплешины в лесу, где могли быть землянки, заселенные пещеры, откуда мог появиться дымок. Иногда встречали одиночек и уцелевшие семьи, приглашали в наш клан. Михеев особенно приглядывался к белесым не накрашенным девушкам. Он радовался, что сейчас им пригодится и старик, которого раньше сторонились и не замечали.

Мы обследовали окрестности.

Во всяком случае, могли остаться женщины и дети, у которых оказался иммунитет от всемирного мора. Правда, для нас, крутившихся в космосе в иных парсеках, где полстолетия пролетело как миг, дети, что были на Земле, стали стариками, оставшись еще целиком в старом застое, и только на их детей была надежда на обновление в новом мире.

На вездеходе, благо двигателем было ядерное топливо, и не надо было заправляться бензином, мы объезжали опустевшие города и поселки.

Въехали в провинциальный городок. И тут было безлюдно, одноэтажные дома пусты, только еще больше заросли растениями, не было света, и лишь в центре в мраморных зданиях бывшего местного правительства ютились немногие оставшиеся граждане. Со временем из-за холода они переселялись в теплые землянки. Кто-то из спасшихся богатых, боящихся неведомого возмездия, имели свои оборудованные бункеры, но все равно переселились в землянки, израсходовав запасы пищи и энергии.

На поверхности осталось то, что было видно грубо, зримо, сотворенное созидательным трудом, творческими усилиями людей, – мосты и каналы, дворцы, величественные религиозные святыни-церкви, статуи, дома. Все остальное, нематериальное, в том числе управляющее, контролирующее людей, сторожащее, тормозящее, испарилось, вытравленное временем как ненужное. Правда, и прекрасное сотворенное стало приходить в ветхость, потому что исчезла творческая рука.

Мы брали на учет найденных отдельных людей, одетых кое-как в оставшуюся со старых времен одежду. Потрепанных, чесавшихся, как наш Трансформер, с полностью разоренными душами из-за катастрофы. Сохранился ли в них оптимизм, хотя бы выраженный в нетленных духовных творениях? По-настоящему греющих душу творениях, выстоявших любые катастрофы среди сметенного океана хлама, когда-либо вышедшего из печатного станка или халтурной руки.

Один из чесавшихся стариков, когда спросили, что произошло на Земле, только махнул рукой:

– Все произошло как-то незаметно. Слышали, что вокруг тихо умирали, и делали свои дела. Дошло до нас, и мы пострадали. Но выздоровели. Глядь, а вокруг никого нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.